

УДК 821.161.1-1"19"

**«БАРКОВ» ОЛЕГА ЧУХОНЦЕВА:
ГЕНЕЗИС, СЕМАНТИКА, ПОДТЕКСТ**

А.Э. Скворцов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Статья является частью общего исследования творчества современного русского поэта О.Г. Чухонцева (р. 1938) и посвящена анализу его стихотворения «Барков» (1968).

Стихи И.С. Баркова (1732–1768) – одни из наиболее табуированных в русской литературе из-за их специфического содержания и обильного использования ненормативной лексики. В относительно полном виде сочинения автора были изданы только в постсоветский период. Вместе с тем творчество Баркова занимает важное место в истории русской литературы рубежа XVIII – XIX вв. Оно имело значительное влияние на многих литераторов, включая Г.Р. Державина, и под его воздействием формировалась традиция жанра отечественного бурлеска.

В стихотворении Чухонцева образ реального Баркова, человека и стихотворца, сложно взаимодействует с вымышленным образом – фигурой свободомыслящего поэта, который находится в разладе со своей эпохой. Персонаж Чухонцева легко представим и в советском хронотопе. Кроме того, современный поэт привносит в образ Баркова автобиографические черты. Наконец, герой стихотворения встраивается в ряд поэтических портретов литераторов и мыслителей XVIII – XIX вв., который Чухонцев создаёт с начала 60-х годов XX в., стремясь воплотить в обликах разных личностей универсальный образ Поэта.

Произведение рассматривается на фоне историко-культурного контекста. В работе используются историко-литературный и интертекстуальный способы анализа поэтического текста.

Ключевые слова: О. Чухонцев, генезис, семантика, подтекст, бурлеск, традиция

Настоящая статья является частью общего исследования творчества современного русского поэта Олега Чухонцева (р. 1938) (см. наши предшествующие работы [1–12]) и посвящена анализу его стихотворения «Барков» (1968). Написанное в год двухсотлетия со дня смерти Ивана Семёновича Баркова (1732–1768), произведение было и остаётся его редчайшим поэтическим портретом в русской литературе – фактически вторым после пушкинской «Тени Баркова» (1814–1815) и до сегодняшнего дня последним.

И.С. Барков – поэт с одной из наиболее неоднозначных репутаций в русской литературе. Исторически достоверные данные о нём долго вытеснялись культурными мифами и анекдотами. Виною тому *modus vivendi*¹ стихотворца,

¹ Образ жизни. – *Ред.*

но в ещё большей степени некоторые его сочинения, составившие Баркову скандальную славу при жизни и не менее двусмысленную известность после смерти. Ещё с последней трети XVIII в. он стал символом предельной неподцензурности – более табуированного автора для официальной истории отечественной литературы и в период монархии, и в советское время не существовало.

В 1836 г. А.С. Пушкин в разговоре с П.А. Вяземским высказывался о Баркове так: «Вы не знаете стихов... Баркова... и собираетесь вступить в университет? Это курьёзно. Барков – это одно из знаменитейших лиц в русской литературе; стихотворения его в ближайшем будущем получат огромное значение. <...> нет сомнения, что первые книги, которые выйдут в России без цензуры, будет полное собрание стихотворений Баркова» (П.2, с. 193). Современные исследователи отмечают: «Это предсказание оправдалось наполовину. В эпоху смерти Пушкина прямое влияние Баркова ослабло: свою историческую роль он уже сыграл. Но подлинный масштаб этой фигуры стал вырисовываться только тогда, когда сбылась вторая часть пушкинского предсказания и после отмены цензуры одними из первых вышли в свет сочинения Баркова» [13, с. 9].

Сочинения Баркова были опубликованы более чем через два века после его смерти, в 1992 и 2005 годах (см. Б.1, Б.2), причём последнее издание относится к академической по своим задачам серии «Новая библиотека поэта». Что же так беспрецедентно долго препятствовало их публикации? Помимо текстологических проблем (автографы оригинальных стихов не сохранились, имеется лишь ряд более или менее достоверных списков), главную трудность при издании составляло содержание стихов: в своём подавляющем большинстве они имеют высокую долю ненормативной лексики и внешне посвящены описанию определённых физиологических действий. Поскольку ни сами подобные действия, ни слова, их описывающие, никогда не приветствовались в пространстве русской печати, а в иные эпохи прямо запрещались к упоминанию, Барков во многом оказался за пределами литературы как таковой.

Однако оставалась серьёзная историко-литературная проблема: по своей сути стихи поэта отнюдь не сводятся к разгульному непотребству. Будучи исключительно одарённым в области словесности, Барков служил некоторое время в Академии наук, занимался переводами античных авторов и параллельно писал остроумные пародии на тогдашнюю классицистскую поэзию (в первую очередь на оды М.В. Ломоносова, который относился к подобной деятельности младшего коллеги вполне благосклонно). Его творчество в широком смысле является иронико-бурлескным и несёт в себе массу довольно сложных культурных отсылок, аллюзий и реминисценций. Это обстоятельство было хорошо известно современникам-литераторам, в среде которых стихи Баркова первоначально и распространялись. Затем не расхожее, а «эзотерическое» знание об истинном свойстве стихов Баркова – автора, без которого невозможно прояснить некоторые вопросы генезиса целого пласта русской поэзии рубежа XVIII – XIX вв., перешло в ведение филологов.

Одним из первых восстанавливать Баркова в правах начал Г.А. Гуковский. В его учебнике «Русская литература XVIII века», впервые изданном в 1939 г., тот упоминается пусть и вскользь, но в ранге крупного поэта: «После Сумарокова травестийная бурлескная поэзия приобрела права гражданства. Немало

крупных поэтов эпохи разрабатывали различные её виды; среди них – прежде всего Барков и Майков» [14, с. 160]. Аналогичным образом высказывался в начале 30-х годов XX в. и ведущий пушкинист того времени М.А. Цявловский: «В Баркове Пушкин видел подлинного поэта, жанр и стиль которого воспринимались ещё во времена Пушкина далеко не такими циничными, какими воспринимаются они теперь нами» [15, с. 272]. Но только с 1960-х годов началась медленная и осторожная системная реабилитация Баркова в истории русской литературы. Начало ей положила статья Г.П. Макогоненко [16], позднее к ней добавились работы других учёных (см. [17–22]).

В итоге к настоящему времени сложилась следующая ситуация. Если для широкого читателя стихи Баркова по-прежнему либо *terra incognita*, либо пример чего-то малопонятного и не вполне пристойного, то для специалистов-филологов утверждать важность места Баркова в русской поэзии уже нет необходимости, и серьёзное влияние его поэтики на творчество ряда авторов рубежа XVIII – XIX вв., особенно Г.Р. Державина, является доказанным фактом. Последнее обстоятельство позволило М.И. Шапиру относительно недавно высказать такие соображения: «В ряду историко-литературных убеждений автора настоящей статьи не последнее место занимают два взаимосвязанных тезиса:

- 1) классическая русская литература складывалась под сильным влиянием поэтики бурлеска;
- 2) в истории русского бурлеска одну из ключевых ролей сыграли Барков и барковщина XVIII столетия.

Если оба тезиса верны, значит, Барков и отдельные его последователи в какой-то степени определили (прямо или косвенно) своеобразие национальной литературной традиции. <...> Оценивая роль, какую создатель “Фелицы” сыграл в становлении национальной литературы, Белинский провозгласил его “отцом русских поэтов”... Но если Державин русским поэтам “отец”, то выходит, Барков им “дед”. На своих “внуков”: Батюшкова, Жуковского, Пушкина и других – он влиял и напрямую, и через посредство Державина, подобно тому как сам Державин усваивал уроки Ломоносова не только из первых рук... но также в пересказе Баркова» [23, с. 397, 439].

Действительно, следы воздействия Баркова на Державина обнаруживаются до сих пор [10, с. 5–9], и сейчас уже очевидно, что эти двое классиков стоят у истоков богатейшей и одной из наиболее плодотворных ветвей русской изящной словесности, жидущейся на бурлескном начале. «Произведения Баркова, выдававшие в авторе прекрасно образованного человека, овладевшего всеми тонкостями пародируемого материала, рассчитанные на читателя, способного оценить ювелирность мастерства поэта, привлекали к его творчеству многих образованных людей эпохи, в числе которых были Пушкин и Державин», – пишет Л.А. Казакова [24, с. 203]. В соответствии с историко-литературным принципом следовало бы только поменять местами названные имена.

Традиция бурлеска и травестии из активной фазы перешла в подспудную со второй половины XIX в., но полностью не исчезла до сих пор. Среди современных поэтов живейший интерес к ней неоднократно проявлял и Олег Чухонцев [10, с. 215–242]. Едва ли не первым стихотворением автора, где подобная заинтересованность выражена откровенно, и стал «Барков»:

Храпел мясник среди пуховых облаков.
Летел ямщик на вороных по звёздной шири.
А что же ты, иль оплошал, Иван Барков?
Опять посуду бил и горло драл в трактире.

А утром бил уже в Зарядье барабан.
Уже в рядах кричали лавочники с ражем.
А что же ты, иль не очухался, Иван?
Опять строчил срамные вирши под куражем.

Не тяжко пьянство, да похмелье тяжело:
набрешут досыту, а свалят на Баркова.
Такое семя крохоборское пошло,
что за пятак себя же выпороть готово.

Назвать по имени – срамнее не назвать!
Что Сумароков, не учёная ль ворона?
Недаром шляпу так и хочется сорвать:
– Привет, почтеннейший, от русского Скаррона!

И вам почтение, отцы гражданских од!
Травите олухов с дозволенным задором,
авось и вам по Божьей воле повезёт
и петь забористо, и сдохнуть под забором.

Травите олухов. Ручаюсь головой,
что вы воистину смелы до первой драки.
Но гром прокатит по бульжной мостовой,
и ваши дерзкие слова – под хвост собаке!

Но вздор накатит – и разденется душа,
и выйдет голая – берите на забаву.
Ах, Муза, Муза, – до чего же хороша! –
идёт, бесстыжая, рукой прикрыв жураву (Ч.3, с. 87).

То, насколько важным и даже этапным было сочинение для автора, свидетельствует запись в дневнике К.И. Чуковского от 3 ноября 1968 г.: «Сегодня был Олег Чухонцев с женой и вновь читал отличные стихи. О Державине, Дельвиге, о Баркове, о танках, о реставраторе» (Чук., с. 525). По указанным подробностям произведения легко определяются. Наряду с «Барковым» Чухонцев читал в тот день следующие стихи:

- «Дельвиг» (1962) (Ч.3, с. 50);
- «Похвала Державину...» (1965) (Ч.3, с. 31);
- «Баллада о реставраторе» (1967) (Ч.3, с. 82);
- «Репетиция парада» (1968) (Ч.3, с. 84).

Помимо времени создания, у них есть, как минимум, ещё одна общая черта: все они в той или иной степени «оппозиционны» и содержат мотив противостояния дурному времени.

Н.С. Сапов проницательно отмечает: «Как бы из недр официозного взгляда на барковиану, по существу к этому времени уже неизвестную читателям, родилось представление о Баркове как о поэте-бунтаре, протестанте против литературного и социального истеблишмента, получившее широкое распространение

в оттепельные шестидесятые. Наиболее резко и отчётливо взгляд тот проявился в стихотворении Олега Чухонцева “Барков”. <...> В этом стихотворении с поразительной отчётливостью просматривается романтический образ поэта, прячущего нежный лирический дар под грубостью слога и поведения, поэта, знакомого с подлинным вдохновением и противостоящего равно мещанам, храпящим “среди пуховых облаков”, и официально признанным авторам, сочиняющим свои опусы “с дозволенным задором”. При этом в наследии поэта разделяются высокие и вдохновенные строки и случайные вирши, едва ли ему принадлежащие... В этой интерпретации Барков становился своего рода предтечей Венедикта Ерофеева. Не случайно стихотворение Чухонцева было написано в 1968 году, за год до появления и широкого успеха “Москвы – Петушков”» [25, с. 11].

Интерес к фигуре и творчеству Баркова у Чухонцева не был чем-то случайным и не связан напрямую с политической конъюнктурой конца 60-х годов XX в. Он свидетельствует о важных эстетических ориентирах и развитии историко-культурном чутье автора. В развёрнутой беседе 2004 г. с И.О. Шайтановым поэт замечает: «Я очень люблю эту линию: Барков, часть Державина, Крылов и Грибоедов, я имею в виду языковую ткань, как поэзию, а не как пьесу... Всё живёт, цветёт» [26, с. 74].

Выбор Чухонцевым в 1968 г. Баркова в качестве героя стихотворения мотивируется несколькими литературными и автобиографическими обстоятельствами. Прежде всего Барков занимал автора сам по себе – и как талантливый поэт, и как яркая личность. Далее, во второй половине 60-х годов, массовый советский читатель имел о Баркове смутные представления: текстов его в свободном доступе не было, бóльшая часть сведений о нём носила недостоверный характер (ту же статью Макогоненко видели преимущественно специалисты по XVIII в.). Помимо всего прочего, Чухонцев восстанавливал историческую справедливость, воздавая по заслугам полузабытому классику. Наконец, в образ свободолюбивого Баркова автор внёс остро личный оттенок. Именно в тот период Чухонцев оказался под огнём официальной критики и был на несколько лет отлучён от печатного станка за публикацию в журнале «Юность» стихотворения «Повествование о Курбском» (Ч.1, с. 29), сочтённого оправдывающим идею «предательства родины». Таким образом, литературный «неудачник» Барков выступает и в качестве alter ego лирического героя.

К моменту создания стихотворения Чухонцев уже дал ряд портретов русских поэтов, мыслителей и исторических деятелей. Дельвиг («Дельвиг», 1962), Державин («Похвала Державину...», 1965) и даже Курбский («Повествование о Курбском», 1967) с Чаадаевым («Чаадаев на Басманной», 1967 (Ч.3, с. 75)) – это система автопортретов в зеркалах разных исторических обстоятельств. Метод Чухонцева оказался важным и плодотворным. Так, в позднем цикле «Осьмерицы», опубликованном в 2010 г., явно или полускрыто представлена не одна плеяда русских мужей: от Гавриила Державина до Венедикта Ерофеева (Ч.4, с. 48–51).

Автобиографизм подобных литературных портретов подчёркнут. В то же время во всех случаях одновременно звучат минимум два голоса, слова любого персонажа неотделимы от слов лирического героя.

В «Баркове» точка зрения также «плавает», и границу между автором и героем в некоторых местах провести невозможно. Но, помимо неоднозначности

организации. Наконец, образ жизни персонажа и окружающие реалии также погружают его в простонародную среду.

Стихотворение выглядит стилистически цельно. Однако и здесь скрыт языковой и смысловый парадокс, который проявляется не внутри текста, а только на историко-литературном фоне: стихи о классике отечественного бурлеска и главном «похабнике» русской литературы написаны с минимальным количеством низкой лексики и полностью без привлечения обсценной. К финалу «Барков» вообще становится едва ли не целомудренным – обнажённая Муза стыдливо прикрывается рукой.

Не в последнюю очередь эффект плавного стилистического перехода от резковатого слога к всё более мягкому и почти эвфемистичному закрепляется ярким финалом. «Журава» – по всей видимости, раритетный окказионализм. Ни в одном авторитетном лексиконе русского языка, включая словари В.И. Даля [28], Д.Н. Ушакова [29] и С.И. Ожегова [30], этимологический словарь М. Фасмера [31] или словарь русского языка XI – XVII вв. [32], его нет. Не менее показательно, что он не входит и в словоупотребление самого поэта Баркова, если опираться на существующие издания 1992 и 2005 годов.

В русских народных говорах известны омонимы-диалектизмы; в частности, журавой (а также жаравой, жеравой и т. п.) называют клюкву [33, с. 228], словоформы «журавá» и «журавы», как «жарáвы», «жерáвы» и проч., – то же, что и журавли (мн. ч.) [33, с. 227]. Фонетически близкое «журав» – и птица журавль, и длинный шест, служащий рычагом при подъёме воды из колодца, и веретено для наматывания ниток, и худой высокий человек [33, с. 227–228]. Между тем внимание среди этого многообразия лексем привлекает глагол «журавать» ‘играть, шалить (о парне с девушкой)’ [33, с. 228].

Использованное слово своей неожиданностью, фонетической красотой и отчасти энигматичностью резко отличается от существительного «п.....», многократно употребляемого Барковым в соответствующих ситуациях (см., например, «Прияпу» (Б.2, с. 292–300) или «Кулашному бойцу» (Б.2, с. 312–319)). Подобное эстетическое решение вновь свидетельствует о неуступчивой художественной самостоятельности Чухонцева: обычно он выбирает наиболее трудный и неочевидный способ воплощения замысла – в том числе и на стилистическом уровне.

Особый пласт стихотворения составляют литературные аллюзии и реминисценции, чья плотность вполне естественно объясняется темой произведения. Есть среди них частные, «орнаментальные», как, например, строки:

Такое семя крохоборское пошло,
Что за пятак себя же выпороть готово.

Очевидно, это отсылка к «Ревизору»: «Унтер-офицерша нагала вам, будто бы я её высек; он врёт, ей-богу врёт. Она сама себя высекла» (Г, с.85). Подобная ирония создаёт определённый грубоватый колорит, тем более уместный, что Гоголь также имеет прямое отношение к ирои-комической бурлескной традиции [23, с. 440]. Однако наиболее важная часть культурного слоя текста относится к центральному герою.

Прямые упоминания Баркова в художественной литературе, особенно в сочинениях, рассчитанных на взыскательную публику, нечасты. При работе над стихотворением Чухонцев, так или иначе, стремился их учитывать. Некоторые

важные подтексты «Баркова» указаны в статье А.А. Кадыриной: «В стихотворении Саши Чёрного “Пошлость”, где пошлость предстаёт в виде немолодой дамы, есть строфа:

Но, нос суя любовно и сурово
В случайный хлам бесштемпельных “грехов”,
Она читает вечером Баркова
И с кучером храпит до петухов.

У Чухонцева кучер превратился в мясника, а петухи – паронимически – в пуховые облака... Чтение Баркова у Саши Чёрного – это штрих к портрету, подчёркивающий двойственность его дамы – пошлости, добропорядочной снаружи и развратной изнутри.

Иван Барков Чухонцева другой, не соответствующий общепринятым представлениям. Он предельно близок самому автору. <...> “Русским Скарроном” Баркова назвал Карамзин. Здесь же, упоминая Сумарокова, Чухонцев отсылает к “Table-talk” Пушкина, где содержатся истории о сложных взаимоотношениях Баркова и Сумарокова» [34, с. 110].

Безусловно, важны не только те источники, на которые Чухонцев сослался, но и те, о которых умолчал. А.А. Кадырина отмечает одну бросающуюся в глаза странность стихотворения. При внимании к малоизвестным упоминаниям Баркова в русской литературе «ссылок на ещё один текст о Баркове – “Тень Баркова” – в стихотворении нет. У автора иная, нежели в “Тени Баркова”, задача. Единственный “срамной” образ, в отличие от “Тени Баркова”, помещён совсем не в эротический контекст» [34, с. 111].

Можно заметить: в «Баркове» одна частная аллюзия на балладу Пушкина всё же имеется. Фрагмент её двадцатой строфы мотивно-образно и отчасти сюжетно соотносится с первой строфой стихотворения:

Уж б... в постели пуховой
С монахом засыпала;
Купец уж лавку запирал;
Поэты лишь не спали
И водкою налив бокал,
Баллады сочиняли (П.1, с. 40).

Вместе с тем нельзя не согласиться с исследователем по сути: намеренно размытая отсылка не устанавливает прочную связь с «Тенью Баркова». Такое зримое отсутствие действительно не может быть случайностью и требует объяснения, поскольку пушкинская баллада – главный текст постбарковского мифа. Чухонцев аккуратно обходит его по нескольким причинам. Во-первых, поэт вообще полемически настроен по отношению к пушкинской линии: он придерживается «архаической» версии развития новой русской поэзии, согласно которой у её истоков стоит не знаменитый выпускник Царскосельского лицея, а Г.Р. Державин. Во-вторых, прочная опора на «Тень Баркова» неизбежно повлекла бы за собой вполне определённые тематические ассоциации, в данном случае Чухонцеву ненужные. В-третьих, одной из задач автора было не усилить образ русского поэтического скабрезника, а напротив – облагородить его, сделав фигурой симпатичной и отчасти даже страдательной (что соответствует исторической правде: судьба поэта сложилась трагически [35, с. 30–31]). Вероятно,

по этой же причине в стихотворении практически нет прямых отсылок к стихам самого И.С. Баркова.

Намёки литературные подчас неотделимы от аллюзий на социокультурные и отчасти политические реалии. В пятой и шестой строфах под «отцами гражданских од» подразумеваются популярные на рубеже 60–70-х годов поэты-эстрадники (в первую очередь Р.И. Рождественский, Е.А. Евтушенко и А.А. Вознесенский). В издании 1983 г. под цензурным давлением напечатано несколько иначе:

И вам почтение, отцы строптивых од!
Травите олухов с горячным задором,
авось и вам по вышней воле повезёт... (Ч.2, с. 122).

Тем не менее и в таком смягчённом виде адресат инвективы достаточно ясен. В одном интервью 2004 г. Чухонцев отзывался об увлечении стадионными «гражданствующими» стихотворцами так: «Не могу себе представить, чтобы кто-то из настоящих любителей [поэзии. – А.С.] пошёл в Лужники, разве что для того, чтобы посмотреть, что это такое, что за цирк. Слуцкий мне рассказывал (а я это вставил в один иронический монолог, его произносит дочка алкаша), что через микрофоны в зале было слышно, как возили в проходах пирожки по 11 копеек, из которых копейка шла на олимпийский сбор. Было такое чувство, как лёгкая зыбь, когда волна чуть-чуть плещется, – жующий зал» [26, с. 70]. Упомянутый автором монолог героини содержится в поэме «Из одной жизни (Пробуждение)», написанной в 1980 г. (более подробно см. [2, с. 167–168]). Неприятие в поэзии «эстрадничества» либерального протеста в дозволенных рамках так называемой стратегии «фига в кармане» было для Чухонцева осознанным и последовательным.

Автор «Баркова» не был в этом отношении одинок. Показательно, что ближайшая по времени поэтическая аналогия подобной исторической аллегории-инвективы – поэма И.А. Бродского “*Post aetatem nostram*” (1970), писателя во многом Чухонцеву противоположного. Между тем в отрицании псевдоинтеллектуализма и сервильности в искусстве они сходились. В произведении Бродского, созданном спустя два года после «Баркова», также даётся условный исторический хронотоп: изображена некая пролонгированная в постхристианскую эпоху квазиантичность, своего рода дурная бесконечность древности, где повторяется только всё худшее. Вот в этом отношении показательный отрывок:

В расклеенном на уличных щитах
«Послании к властителям» известный,
известный местный кифаред, кипя
негодованьем, смело выступает
с призывом Императора убрать
(на следующей строчке) с медных денег.

Толпа жестикулирует. Юнцы,
седые старцы, зрелые мужчины
и знающие грамоте гетеры
единогласно утверждают, что
«такого прежде не было» – при этом
не уточняя, именно чего
«такого»: мужества или холуйства (Брод., с. 247).

Подразумевается здесь отнюдь не собирательный образ официального римского стихотворца, а современник, по отношению к которому поэт настроен резко полемически:

Я не знаю, как это сделать,
Но, товарищи из ЦК,
Уберите Ленина с денег –
Так цена его высока!⁴

Подобное совпадение позиций Чухонцева и Бродского не случайно. При всей разнице их художественных миров оба крупнейших русских поэта своей эпохи во многом находились за пределами официальной советской литературы и отстаивали позицию творческой независимости.

Итак, Барков Чухонцева в первую очередь образ свободного художника. Он внутренне свободен от литературных догм, социальной иерархии и политической конъюнктуры своей эпохи. Этот мотив разворачивается на протяжении всего стихотворения и наиболее откровенно воплощается в финальном образе обнажённой Музы, амбивалентно сочетающей в себе искущённость и невинность. Менее заметен, но столь же важен и другой мотив. Чухонцевский Барков не только свободен, он ещё и весел. Творчество, истинное глубокое художественное переживание приносит ни с чем не сравнимую радость поэту. Пусть вдохновение, как всякое интенсивное чувство, кратко, импульс его животворён, обладает долгосрочным позитивным эффектом и даёт художнику силы для работы и существования. Игровая и смеховая стихия, символически представленная в стихотворении, определяется Чухонцевым как «озорство Баркова» [26, с. 74]. «Озорство» здесь, как и «вздор» в финальной строфе стихотворения, – окказиональные именованья одного и того же, то есть неиссякаемой поэтической мощи.

Наконец, мотив соотносённости судьбы реального исторического лица, жившего в середине XVIII в., с современным поэтом требует сделать ещё одно замечание. В эпоху Возрождения среди художников была распространена практика писать автопортреты в образе Спасителя (в этом отношении особенно выразительно полотно Альбрехта Дюрера 1500 г. «Автопортрет в одежде, отделанной мехом»⁵). В таком подходе не было кощунства, так реализовывалась глубокая идея изображать под видом индивидуального и преходящего образ идеального христианина, совершенного человека.

Чухонцевская практика автопортретирования в образах известных стихотворцев до известной степени схожа с указанной. Она также далека от фамильярности. Во-первых, в каждом конкретном случае даётся запоминающийся, индивидуальный, исторически убедительный образ известного творца. Во-вторых, автор деликатно и неявно проводит параллели со своей собственной поэтической судьбой. Наконец, во всех подобных случаях его занимает общая проблема взаимоотношений художника с эпохой. Вся поэтическая портретная галерея Чухонцева – и Барков исполнения 1968 г. в том числе – столь универсальна, столь же и глубоко национальна: это стремление изобразить разные

⁴ Стихи А.А. Вознесенского из спектакля театра на Таганке «Антимирь», широко известные с середины 60-х годов, но так и не включённые автором ни в один сборник. В 1970 г. песню «Уберите Ленина с денег» исполнил Эдуард Хиль (В.).

⁵ Экспонируется в Старой пинакотеке г. Мюнхена (Инв. № 537) (<https://www.pinakothek.de/ru>).

черты единой фигуры Русского Поэта как такового, дать образ не синтетический, но архетипический.

В качестве постскрипума добавим, что творчество Олега Чухонцева значительно повлияло и продолжает влиять на отечественную поэзию рубежа тысячелетий. Он воздействует на неё своей поэтикой в целом, кроме того, отзывы и отзвуки имеют конкретные его стихи. «Барков» также не обойдён вниманием авторов более молодых поколений. Стихотворение имеет два неочевидных следствия:

- «Как ангел, проклятый за сдержанность свою...» (1995) Сергея Гандлевского (Ганд., с. 43);
- «Вот так вот, классика. Начнёшь тебя читать...» (2015) Олега Дозморова (Дозм., с. 60).

Оба стихотворения написаны тем же размером, содержат ряд завуалированных отсылок к первоисточнику, и в обоих случаях речь в них идёт о противопоставлении судьбы поэта участи натур непоэтических, или прямых подражателей и эпигонов.

Источник

- Б.1 – Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова. – М.: Ладомир, 1992. – 412 с.
- Б.2 – *Барков И.С.* Полное собрание стихотворений. – СПб.: Акад. проект, 2005. – 622 с.
- Брод. – Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. – СПб.: Пушкин. фонд, 1992. – Т. 2. – 435 с.
- В. – *Вознесенский А.* Уберите Ленина с денег! – URL: http://webkind.ru/text/576311394_562949922p046965097_text_pesni_uberite_lenina_s_deneg_a_voznesenskij.html, свободный.
- Г. – *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений: в 7 т. – М.: Худож. лит., 1967. – Т. 4. – 494 с.
- Ганд. – *Гандлевский С.* [Стихи] // *Арион*. – 1996. – № 1. – С. 41–43.
- Дозм. – *Дозмор О.* Неистребимый уральский акцент: Стихи // *Знамя*. – 2016. – № 3. – С. 60–64.
- П.1 – *Пушкин А.С.* Тень Баркова: Тексты. Комментарии. Экскурсы. – М.: Яз. славян. культуры, 2002. – 497 с.
- П.2 – А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1985. – Т. 2. – 575 с.
- Чук. – *Чуковский К.И.* Собрание сочинений: в 15 т. – М.: ТЕРРА – Кн. клуб, 2007. – Т. 13. – 640 с.
- Ч.1 – *Чухонцев О.* Стихи // *Юность*. – 1968. – № 1. – С. 29–30.
- Ч.2 – *Чухонцев О.Г.* Слуховое окно. – М.: Сов. писатель, 1983. – 136 с.
- Ч.3 – *Чухонцев О.Г.* Из сих пределов. – М.: ОГИ, 2008. – 320 с.
- Ч.4 – *Чухонцев О.* Осьмерицы // *Арион*. – 2010. – № 3. – С. 48–51.

Литература

1. *Скворцов А.* Дело Семёнова: фамилия против семьи (опыт анализа поэмы Олега Чухонцева «Однофамилец») // *Вопр. лит.* – 2006. – № 5. – С. 5–41.
2. *Скворцов А.Э.* Истоки и смысл поэмы Олега Чухонцева «Из одной жизни (Пробуждение)» // *Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки.* – 2007. – Т. 149, кн. 2. – С. 165–179.

3. *Скворцов А.* Апология сумасшедшего Кыё-Кыё: выбранные места из философической переписки с классикой (Опыт прочтения одного стихотворения Олега Чухонцева) // *Знамя.* – 2009. – № 8. – С. 176–186.
4. *Скворцов А.Э.* Трагикомический бурлеск: «Прощанье со старыми тетрадами...» Олега Чухонцева // *Вопр. лит.* – 2011. – № 1. – С. 252–279.
5. *Скворцов А.Э.* Поэма Олега Чухонцева «Свои. Семейная хроника»: поэт и предшественники // *Philologica.* – 2012. – Т. 9, № 21–23. – С. 219–242.
6. *Скворцов А.Э.* Стихотворение О. Чухонцева «Батюшков» (генезис, форма, жанр, подтексты) // *Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки.* – 2012. – Т. 154, кн. 2. – С. 111–116.
7. *Скворцов А.Э.* «В грозу» Олега Чухонцева: проблема семантического ореола стихового размера // *Филология и культура.* – 2013. – № 34. – С. 221–225.
8. *Скворцов А.Э.* «Чаадаев на Басманной» Олега Чухонцева: модификация одического начала // *Филология и культура.* – 2013. – № 36. – С. 182–187.
9. *Скворцов А.Э.* Стихотворение Олега Чухонцева «Дом»: между элегией и эпосом // *Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки.* – 2014. – Т. 156, кн. 2. – С. 136–145.
10. *Скворцов А.Э.* Поэтическая генеалогия: исследования, статьи, эссе и критика. – М.: ОГИ, 2015. – 528 с.
11. *Скворцов А.* Приходящее к (Олег Чухонцев. выходящее из – уходящее за) [Рец.] // *Нов. мир.* – 2016. – № 4. – С. 193–198.
12. *Скворцов А.Э.* Современная русская элегия. Об одном стихотворении Олега Чухонцева // *Лит. в школе.* – 2016. – № 9. – С. 32–34.
13. *Пильщиков И.А., Шатири М.И.* От составителей // Пушкин А.С. Тень Баркова: Тексты. Комментарии. Экскурсы. – М.: Яз. славян. культуры, 2002. – С. 7–17.
14. *Гуковский Г.А.* Русская литература XVIII века. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 450 с.
15. *Цявловский М.А.* Комментарии // Пушкин А.С. Тень Баркова: Тексты. Комментарии. Экскурсы. – М.: Яз. славян. культуры, 2002. – С. 164–348.
16. *Макогоненко Г.П.* «Враг парнасских уз» // *Рус. лит.* – 1964. – № 4. – С. 136–148.
17. *Кулябко Е.С., Соколова Н.В.* И.С. Барков – ученик Ломоносова // *Ломоносов: Сб. ст. и материалов.* – М.; Л.: Наука, 1965. – Т. VI. – С. 190–216.
18. *Западов В.А.* Барковиана и Державин?! // XVIII век. – СПб.: Наука, 1996. – Вып. 20. – С. 87–94.
19. *Моисеева Г.Н.* Сочинение Ивана Баркова по русской истории // *Страницы истории русской литературы.* – М.: Наука, 1971. – С. 271–282.
20. *Николаев Н.И.* Жанр бурлеска в творчестве русских писателей 60-х – 70-х годов XVIII века // *О жанрово-стилевом своеобразии: (по страницам литературы): Сб. науч. тр.* – Ташкент: ТашГУ, 1985. – С. 85–95.
21. *Шруба М.* Барков и Майков // *Нов. лит. обозрение.* – 1995. – № 14. – С. 139–144.
22. *Осват К.А.* К определению литературных функций ранней барковианы // *Русская филология: Сб. науч. работ молодых филологов.* – Тарту: Тарт. ун-т, 2000. – Вып. 11. – С. 24–32.
23. *Шатири М.И.* Барков и Державин: Из истории русского бурлеска // Пушкин А.С. Тень Баркова: Тексты. Комментарии. Экскурсы. – М.: Яз. славян. культуры, 2002. – С. 397–457.
24. *Казакова Л.А.* Жанр комической поэмы в русской литературе второй половины XVIII – XIX вв.: генезис, эволюция, поэтика. – Псков: ПГПУ, 2009. – 448 с.

25. *Санов Н.С.* Иван Барков – история культурного мифа // Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова. – М.: Ладомир, 1992. – С. 5–36.
26. *Чухонцев О., Шайтанов И.* Спорить о стихах? // Арион. – 2004. – № 4. – С. 61–75.
27. Сборник Кириши Данилова / Под ред. и с предисл. П.Н. Шеффера. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1901. – XLVIII, 284 с.
28. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Terra – Кн. клуб, 1998. – Т. 1. – XIV, 1743 стб.
29. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Изд. центр «Терра», 1996. – Т. 1. – 1562 стб.
30. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. и с предисл. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1989. – 921 с.
31. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Terra – Кн. клуб, 2008. – Т. 2. – 671 с.
32. Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 30 вып. – М.: Наука, 1978. – Вып. 5. – 392 с.
33. Словарь русских народных говоров: в 49 вып. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. – Вып. 9. – 362 с.
34. *Кадырина А.А.* Диалог с поэтами XVIII века в поэзии Олега Чухонцева // Русская и сопоставительная филология'2008: исследования молодых учёных. – Казань: Филол. фак-т КГУ, 2008. – С. 106–112.
35. *Сажин В.Н.* Злосчастная судьбина, или Вечный студент // Барков И.С. Полн. собр. стихотворений. – СПб.: Акад. проект, 2005. – С. 5–40.

Поступила в редакцию
01.12.16

Скворцов Артём Эдуардович, доктор филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: bireli@inbox.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2017, vol. 159, no. 1, pp. 193–207

Oleg Chukhontsev's "Barkov": Genesis, Semantics, and Subtext

A.E. Skvortsov

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: bireli@inbox.ru

Received December 1, 2016

Abstract

The present work is a part of the comprehensive research on the oeuvre of O.G. Chukhontsev, the most prominent Russian poet, and analyzes his poem "Barkov" (1968).

I.S. Barkov's (1732–1768) poems are among the most taboo ones in Russian literature due to their specific content and the abundance of obscenities. His relatively complete works were published only

in the post-Soviet time. At the same time, his oeuvre takes an important place in the history of Russian literature at the turn of the 18th and 19th centuries. He noticeably influenced many contemporaries, including G.R. Derzhavin. The tradition of Russian burlesque was formed under his influence.

The image of real Barkov, a person and a poet, interacts with a mythical one – a figure of a liberal thinking author, being at odds with his time – in O.G. Chukhontsev's poem. O.G. Chukhontsev's character is easily imaginable in the Soviet chronotope. Furthermore, the modern poet provides Barkov with some autobiographical features. Finally, the character of the poem is set in the line of the poetic portraits of litterateurs and thinkers of the 18th–19th centuries, being created by O.G. Chukhontsev, trying to personify in the different figures a universal image of the Poet, since the beginning of the 1960s.

The poem has been analyzed in the historical and cultural context. The historical and literary and intertextual methods of analysis of a poetic text have been used.

Keywords: O. Chukhontsev, genesis, semantics, subtext, burlesque, tradition

References

1. Skvortsov A. Semenov's case: Name against family (the experience of analysis of Oleg Chukhontsev's poem "Namesake"). *Voprosy Literaturnykh Nauchnykh Issledovaniy*, 2006, no. 5, pp. 5–41. (In Russian)
2. Skvortsov A.E. The sources and meaning of Oleg Chukhontsev's poem "From One Life (Awakening)". *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2007, vol. 149, no. 2, pp. 165–179. (In Russian)
3. Skvortsov A. Apology of the mad Kye-Kye: Selected areas in the correspondence with classics (based on one poem by Oleg Chukhontsev). *Znaniya*, 2009, no. 8, pp. 176–186. (In Russian)
4. Skvortsov A.E. Tragicomic burlesque: "Farewell to Old Notebooks..." by Oleg Chukhontsev. *Voprosy Literaturnykh Nauchnykh Issledovaniy*, 2011, no. 1, pp. 252–279. (In Russian)
5. Skvortsov A.E. Oleg Chukhontsev's poem "Fellows. Family Chronicle": Poet and predecessors. *Philologica*, 2012, vol. 9, nos. 21–23, pp. 219–242. (In Russian)
6. Skvortsov A.E. "Batyushkov" by O. Chukhontsev: Genesis, verse form, genre, subtext. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2012, vol. 154, no. 2, pp. 111–116. (In Russian)
7. Skvortsov A.E. "In the Storm" by Oleg Chukhontsev: On the issue of poetic meter semantics. *Philology and Culture*, 2013, no. 34, pp. 221–225. (In Russian)
8. Skvortsov A.E. Oleg Chukhontsev's "Chaadaev in Basmannaya Street": Modification of the ode origin. *Philology and Culture*, 2013, no. 36, pp. 182–187. (In Russian)
9. Skvortsov A.E. The poem "Home" by O. Chukhontsev: Between elegy and epos. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2014, vol. 156, no. 2, pp. 136–145. (In Russian)
10. Skvortsov A.E. Poetic Genealogy: Investigations, Articles, Essays, and Criticism. Moscow, OGI, 2015. 528 p. (In Russian)
11. Skvortsov A. Coming to (Oleg Chukhontsev, coming out – going beyond). *Novyi Mir*, 2016, no. 4, pp. 193–198. (In Russian)
12. Skvortsov A.E. Modern Russian elegy. On one poem by Oleg Chukhontsev. *Literatura v Shkole*, 2016, no. 9, pp. 32–34. (In Russian)
13. Pil'shchikov I.A., Shapir V.B. Pushkin A.S. The Shadow of Barkov: Texts. Commentaries. Excursi. *Ot sostavitelei* [From Compilers]. Moscow, Yazyki Sl. Kul't., 2002, pp. 7–17. (In Russian)
14. Gukovskii G.A. Russian Literature of the 18th Century. Moscow, Aspekt Press, 2003. 450 p. (In Russian)
15. Tsyavlovskii M.A. Pushkin A.S. The Shadow of Barkov: Texts. Commentaries. Excursi. *Kommentarii* [Commentaries]. Moscow, Yazyki Sl. Kul't., 2002, pp. 164–348. (In Russian)
16. Makogonenko G.P. "An Enemy of Parnassian Ties". *Russkaya Literatura*, 1964, no. 4, pp. 136–148. (In Russian)
17. Kulyabko E.S., Sokolova N.V. Lomonosov. *I.S. Barkov – uchenik Lomonosova* [I.S. Barkov – an Apprentice of Lomonosov]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1965, vol. VI, pp. 190–216. (In Russian)
18. Zapadov V.A. 18th Century. *Barkoviana i Derzhavin?!* [Barkoviana and Derzhavin?!]. St. Petersburg, Nauka, 1996, pp. 87–94. (In Russian)

19. Moiseeva G.N. Chapters in the History of Russian Literature. *Sochinenie Ivana Barkova po russkoi istorii* [A Work of Ivan Barkov on Russian History]. Moscow, Nauka, 1971, pp. 271–282. (In Russian)
20. Nikolaev N.I. On Genre and Style Specifics: (through Pages of Literature). *Zhanr burleska v tvorchestve russkikh pisatelei 60-kh – 70-kh godov XVIII veka* [Burlesque Genre in Works of Russian Writers during the 1860s – 1870s]. Tashkent, TashGU, 1985, pp. 85–95. (In Russian)
21. Shruba M. Barkov and Maikov. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 1995, no. 14, pp. 139–144. (In Russian)
22. Ospovat K.A. To the definition of literary functions of the Early Barkoviana. *Russkaya Filologiya*. Tartu, Tartu. Univ., 2000, no. 11, pp. 24–32. (In Russian)
23. Shapir M.I. Pushkin A.S. The Shadow of Barkov: Texts. Commentaries. Excursi. *Barkov i Derzhavin: Iz istorii russkogo burleska* [Barkov and Derzhavin: From the History of Russian Burlesque]. Moscow, Yazyk Sl. Kul't., 2002, pp. 397–457. (In Russian)
24. Kazakova L.A. The Genre of Comic Poem in Russian Literature of the Second Half of the 18th–19th Centuries: Genesis, Evolution, Poetics. Pskov, PGPU, 2009. 448 p. (In Russian)
25. Sapov N.S. Girl's Toy or Barkov's Works. *Ivan Barkov – istoriya kul'turnogo mifa* [Ivan Barkov – the History of Cultural Myth]. Moscow, Lodomir, 1992, pp. 5–36. (In Russian)
26. Chukhontsev O., Shaitanov I. Arguing about poems? *Arion*, 2004, no. 4, pp. 61–75. (In Russian)
27. A Book of Kirsha Danilov's Works. St. Petersburg, Tip. Imp. Akad. Nauk, 1901. XLVIII, 284 p. (In Russian)
28. Dahl V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Vol. 1. Moscow, Terra, Kn. Klub, 1998. XIV, col. 1743. (In Russian)
29. Explanatory Dictionary of the Russian Language. Ushakov D.N. (Ed.). Vol. 1. Moscow, Izd. Tsentr "Terra", 1996, col. 1562. (In Russian)
30. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian Language. Shvedova N.Yu. (Ed.). Moscow, Russ. Yazyk, 1989. 921 p. (In Russian)
31. Fasmer M. Etymological Dictionary of the Russian Language. Vol 2. Moscow, Terra, Kn. Klub, 2008. 671 p. (In Russian)
32. Dictionary of the Russian Language of the 11th – 12th Centuries. Vol. 5. Moscow, Nauka, 1978. 392 p. (In Russian)
33. Dictionary of the Russian Native Vernaculars. Leningrad, Leningr. Otd., 1972. 362 p. (In Russian)
34. Kadyrina A.A. Russian and Coparative Pilology'2008: Studies of Young Researchers. *Dialog s poetami XVIII veka v poezi Olega Chukhontseva* [Dialogue with Poets of the 18th Century in Oleg Chukhontsev's Poetry]. Kazan, Filol. Fak. KGU, 2008, pp. 106–112. (In Russian)
35. Sazhin V.N. Barkov I.S. Complete Set of Poems. *Zoschastnaya sud'bina, ili vechnyi student* [Unhappy Fate or Lifelong Student]. St. Petersburg, Akad. Proekt, 2005, pp. 5–40. (In Russian)

Для цитирования: Скворцов А.Э. «Барков» Олега Чухонцева: генезис, семантика, подтекст // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 1. – С. 193–207.

For citation: Skvortsov A.E. Oleg Chukhontsev's "Barkov": Genesis, semantics, subtext. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 1, pp. 193–207. (In Russian)